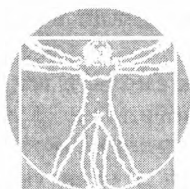

Рефлексия на себя и на других

Борис Братусь

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ПСИХОЛОГИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

«Мы вступили в
новую эру...»

Утром первого сентября 2004 года террористы захватили всех пришедших на праздничную линейку школы № 1 в осетинском городе Беслане – от первоклассников до десятиклассников, всех учителей, сопровождавших детей родителей, родственников – общим числом более тысячи. Через три дня во время штурма погибло более 300 человек, среди них 170 детей...

И хотя это не первый масштабный террористический акт в современной жизни нашей многострадальной страны, но именно после него с особой очевидностью стало ясно, что пройдена какая-то незримая черта и мы вступили в новую эру, которую вчера еще нельзя было себе представить. Время дало трещину, разрыв, отделяющий отныне «до» и «после».

«Неизбежен труд
осознавания
происшедшего»

Надо ли говорить, что подобные события – вызов всей цивилизации, культуре, каждому из нас – как людям и как ученым, профессионалам. Вспоминается толстовское: «мелкие несчастья выводят нас из себя, большие – возвращают нас себе». Этим, большим, мы властно возвращены, предъявлены сами себе, поставлены в условия, когда надо без лукавства посмотреть на себя и на свое профессиональное служение. Не в свете сиюминутных забот и выгод, а с позиции предельных ценностей и значений человеческой жизни. Мгновение, когда мы с очевидностью ощущаем эту необходимость, несомненно, минует, сомкнется, отодвинется суетой и повседневностью, выводящей нас из себя. Но все равно – прежними мы уже не будем, и потому, как ни верти, неизбежен труд осознания происшедшего. И хотя вызов обращен ко всем сразу: к цивили-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 04-06-0027а.

лизации, культуре в целом, он получает ответ (отзыв) в каждом отдельно. Ответ персональный, лично ангажированный и поначалу неизбежно отрывочный, сырой, недодуманный еще. Поэтому заранее прошу прощения за разорванность нижеследующих заметок, речь в которых пойдет о психологической реальности, точнее, о представлениях о ней, о ее отражении в наших работах.

Успехи психологии: посмотрите, как смелы и широки стали нынешние подходы, какое изобилие новых терминов и концепций, как почетна и популярна наша профессия, как многое нами достигнуто в областях обучения, воспитания, психотерапии, формирования общественных настроений. Не случайно ведущие психологи охотно стали провозглашать начало «психозойской эры», говорить о том, что XXI век будет «веком психологии» и т.п. Мы зажили во вполне уютном, респектабельном, «престижном» пространстве, как вдруг раздался стук снаружи – грубый и властный, требующий ответа. Произошедшее пробивает, проламывает или – скажем осторожнее – ставит под вопрос прежнее понимание созданной нами психической реальности. Вопрос этот при известной его редукции, упрощении можно свести к следующей альтернативе: чем на деле являются наши наработанные представления, конструкции, методы, инструменты – окном в действительность (жизнь, бытие) или ширмой, стеной, нас от нее отделяющей?

Конечно, в этом надо отдавать себе полный отчет, произошедшее при всей его чудовищности – отнюдь не самый масштабный удар по культуре и цивилизации в целом, даже при ограничении столетней историей. XX век начался цивилизационным проломом Первой мировой войны, затем Октябрьская революция, германский фашизм, Вторая мировая война.

После каждой из подобных вех человечество должно было мучительно переосознавать себя. Человечество и человек. Человечество через человека, до каждого это дотягивалось, доходило (а иногда не доходило) своим путем, но всегда через личное переживание (потрясение). Ф. Мариак вспоминал о временах немецкой оккупации во Франции: «... не всегда самое сильное воздействие оказывают на нас те события, в которых мы непосредственно участвовали... Самым страшным впечатлением тех мрачных лет остались для меня вагоны с еврейскими детьми на Аустерлицком вокзале... И однако я сам их не видел: мне рассказала об этом жена, все еще под впечатлением пережитого ужаса. В то вре-

Психология: окно в действительность или ширма от нее?

Вехи цивилизационных проломов

Человечество и человек

мя мы еще ничего не знали об изобретенных нацистами методах уничтожения. Да и кто мог бы такое вообразить! Но уже эти невинные агнцы, силой оторванные от своих матерей, превосходили все, что прежде казалось нам возможным. Думаю, что в тот день я впервые прикоснулся к тайне зла, откровение которого, вероятно, отметило конец одной эпохи и начало другой. Мечта, которую западный человек создал в XVIII в. И восхождение к которой – как ему казалось – он наблюдал в 1789 г., мечта, которая до 2 августа 1914 г. укреплялась благодаря развитию знания и достижениям науки, окончательно развеялась для меня при мысли об этих вагонах, переполненных детьми. А ведь и отдельно не представлял себе, что им придется заполнить газовые камеры и крематории» [1].

Ясно, что эти властные вызовы касались (не могли не коснуться) и психологии как части, как составляющей культуры. Например, экзистенциальный анализ, теорию и практику логотерапии можно рассматривать как ответ на качественно новую ситуацию, сложившуюся в конце тридцатых–начале сороковых годов прошлого столетия, когда постулаты и представления (сконструированная психологическая реальность) прежних школ оказались несоответствующими, битыми самой жизнью. Бихевиористические рассуждения о поведении человека предстали пособием по дрессировке, а фрейдовская мифология, столь до того притягательная и многообещающая, стала выглядеть салонной игрушкой, сновидной фантазией по сравнению с буднями оккупации и концлагеря, по сравнению с «Одним днем Ивана Денисовича» [2] или одним днем заключенного В. Франкла [3]. Через пролом в стене психологической постройки ворвались такие потоки и смерчи, перед которыми нельзя было устоять, которые нельзя было объяснить и понять, опираясь на прежние взгляды и позиции. Нужны были новые, и логотерапия В. Франкла предложила один из них.

Что касается XXI века, то он, как и XX век, начался не по официальному календарю, а позднее. Если XX век начался в августе 1914 года, когда разразилась Первая мировая война, то XXI век, по-видимому, начался 11 сентября 2001 года дерзким нападением террористов на Нью-Йорк. Я разговаривал недавно с коллегой-психологом из Америки, который признавался, что для многих самые первые опыты осознания сводились к странному в этой трагической ситуации слову – «доигралась». Если попытаться его как-то расшифровать, то это «доигралась» в сверхдержаву, в повелите-

Психологические теории как отзвуки изменившейся действительности

Трагическое начало XXI века

лей мира, в превосходство и защищенность, наконец, в массовые зрелища Голливуда, где эффектно убивают, где все картинно взрывается, горит и рушится, в том числе и небоскребы. Известно, у многих первое впечатление от репортажа по телевидению в тот роковой день как в самой Америке, так и во всем, столь ныне американизированном мире было единым: кадры очередного кинобоевика. Разница: это уже была не игра – рушились реальные небоскребы, где гибли, заживо горели реальные люди. Каменные стены защищающей от мира крепости оказались в одночасье картонными. Первого сентября 2004 года этот век окончательно пришел (вломился) к нам, в Россию, и отнюдь не как «век психологии» и ее победного «конструирования миров», но как открывавшаяся возможность и реальность нового отношения к человеку, его ценности, назначению, жизни.

Мир и картина мира

Чтобы понять, вместить это новое отношение, нам, психологам, надо прежде всего заново осознать и зафиксировать стертые ныне для многих коллег различия мира и его психологической, нами на сегодня сконструированной модели, картины. А.Н. Леонтьев писал: «Перед неискушенным человеком субъективное восприятие не ставит теоретических проблем: перед ним мир, а не мир и картина мира. В этом стихийном реализме заключается настоящая, хотя и наивная правда» [4]. То, что это настоящая правда (на мой взгляд, не столь уж наивная, как несколько снисходительно замечает А.Н. Леонтьев), мы склонны забывать. Увлечшись своими успехами, мы незаметно подменили мир на построенную нами (пусть и весьма искусно) картину мира. Если неискушенный, т.е. непосредственно страдающий, живущий человек видит, переживает мир, но не картину мира, то мы заняли противоположный полюс – стали видеть только картину мира, но не мир. Реальные окна жизни постепенно заклеили искусными картинами окон: интеллект – тестами интеллекта (интеллект – то, что измеряется тестами интеллекта), личность – данными опросников и экспериментов. Мы давно уже заклеили душу психикой. В психологическом словаре черным по белому значилось, что душа – «понятие, отражающее исторически изменявшиеся воззрения на психику человека и животных», что термин «душа» в научной литературе «не употребляется или используется очень редко как синоним слова «психика» [5]. Ну раз синоним – то смело заменим устаревшую «душу» на «психику» и будем говорить, например, что мы желаем в семье и на работе не «душевной обстановки», а «психической об-

становки» и что люди должны жить друг с другом не «душа в душу», но – «психика в психику». Фальшь подмены в этих примерах (подаренных автору Г.А. Цукерман) очевидна всем, кроме психологов, которые на протяжении более чем ста лет сделали все, чтобы совершить эту подмену. Необходимую в науке идеализацию предмета они приняли за сам предмет, забыв об условности этого принятия. В результате место человека заняло его психологическое описание, «эгоком-плекс», «конструкт» – словом, его психологический паспорт. Но бьют, как известно, не по паспорту, а по физиономии. И нам об этом хорошо напомнили.

Мир един, а его
моделей множество

Вслед за различением мира и картина мира, действительной реальности (бытия) и конструируемой нами психологической реальности надо осознать, отрефлексировать характер их соотношения. Первое, что мы должны принять и признать (если хотите – смириться), – это их заведомая неравность. Одна из них занимает статус иерархически главенствующий, и, следовательно, различия между ними не в рядности, а в ярусности, разноуровневости порядков. И тогда создаваемая нами психологическая реальность (принципы, подходы, понятия, термины, концепции) – производная, инструментальная величина, способ проникновения, овладения, понимания. Мир – един, моделей его может быть множество. Мир несводим ни к отдельной, даже самой, казалось бы, совершенной модели его, ни к совокупности моделей. Наука как производитель этих моделей* существенно (особенно со второй половины XIX века) влияет на действительность, активно участвует в ее строительстве, изменении (или извращении), но отнюдь не полностью (к счастью) ее конструирует и определяет. Можно сказать и так: наука движется вокруг нее, в частном случае опережая, забегая вперед, но – все равно – вокруг вечно зеленеющего древа жизнь. И тогда – продолжим этот образ, – каким бы удачным ни был наш исследовательский, теоретический, экспериментальный, психотерапевтический прыжок, мир уйдет дальше (или вбок, или вглубь, или вверх, или вниз) и нам надо собирать силы, таланты, дерзость для очередного прыжка.

Теории как
«островки
безопасности»
в потоке жизни

Согласно другой пояснительной аналогии вырабатываемые нами теории, понятия, термины составляют, образуют некий «островок безопасности» в потоке жизни, стоя на котором, мы (сами непосредственные

* Разумеется, не единственный: свои модели есть у искусства, обыденного сознания и т.п.

его участники) можем отделиться от этого потока, оглядеть его со стороны, проанализировать, предложить взгляды, теории, с помощью которых возможно объяснение происходящего и осмысленное вмешательство в его ход. Успешность догоняющего, вмешивающегося (помогающего или мешающего) психологического воздействия начинает восприниматься как непосредственно конструирующее и определяющее начало.

Не мудрено, что современное состояние породило методологических либералов (выражение В.М. Аллахвердова), для которых наука – лишь игра вариаций, некий кубик Рубика с возможностью все новых забавных узоров. Отсюда вопрос об истинности (в противовес относительности), тем паче об Истине как таковой, становится просто неприличным, ведь тогда, значит, надо остановиться на чем-то одном, что-то предпочесть, чему-то служить, а это так узко, догматично, ограничено, несовременно.

Думается, что осознанное различие статуса реальностей – действительной и психологической – может немного прояснить дело. Да, научное творчество свободно и каждый вправе рассчитывать на возможность выражения своего мнения, на его отстаивание, защиту. Но пойдем, речь в науке вообще не идет об истинности, а лишь о валидности, то есть пригодности данного взгляда, метода, способа измерения и понимания к данному объекту, к данному ракурсу его рассмотрения. Категория истины, истинности относима, соотносима с реальностью другого измерения. И определяется она не процедурами и методами научного знания. Вопрос об истинности не прячется за метод, но напрямую апеллирует к нашей личности. Истина логически и статически недоказуема, но выбираема, и этот выбор не может быть не чем иным, как личностным, внутренним решением каждого. Следовательно, речь не о действии, которое совершается по внешне заданному правилу, а о поступке, основание (грунт) которого – мой выбор, мой риск, моя ответственность. Истину не доказывают как теорему, о ней свидетельствуют своим выбором, решением, жизнью.

Но здесь, заметит читатель, мы переходим совсем в иную плоскость, мы отходим от науки в сторону личностного бытия и выбора, в область, казалось бы, сугубой субъективности. Но так ли уж далека от этого наука? Начнем с того, что и наука (уж, по крайней мере, гуманитарная) имеет субъективные корни, что и в ней мы движемся по нами же построенным правилам (рельсам). Более того, когда это становится недоста-

Реальность
действительная
и психологическая:
проблема истины

Теория – страстное
и сочувственное
созерцание

точным – сами меняем правила и строим новую цепь опор. По одному из значений древнегреческое слово «теория» – это «страстное и сочувственное созерцание». Если попытаться растолковать, то «страсть», «страстность» – от неутоленного (и всегда неутолимого) желания познавать. «Сочувствование» обращено к тому, что познаем. В нашем деле речь о человеке, и как же ему (нам) не посочувствовать! Вообще исследователь вне сочувствия не более чем истязатель природы. И наконец, «созерцание». Чтобы не брать смелость судить о других науках, скажем о психологии – видение, глаза, внутренний, внешний взор, созерцание, понимание, внимание здесь первичны, опыт – да не покажется это ересью – вторичен, иллюстративен к до того понятному, хоть порой может вступить в противоборство с прежним созерцанием, породив необходимость нового поиска (в свою очередь) «страстного и сочувственного», иначе грош ему цена.

Итак, психология отнюдь не лишена субъективности. Она рождается и отстаивается «в страстном и сочувственном созерцании». И эту субъективность надо признать как существующую фундаментальную данность, факт и в этом плане – не считите за каламбур – как объективность*.

Тем более поразительно и значимо, что при определенных условиях субъективность ученых (назовем ее профессиональной или систематической) способна выразить запрос, зов культуры и бытия, совпасть, срезонировать с ними, стать отражением духа времени или – того более – участвовать в самом образовании этого духа. И как буря начинается с поземки, с едва заметного столбика завихрения, так и движение культуры и общества начинается со слов и умопостижений, которые современники могут до поры не замечать вовсе. Особо подчеркнем, что речь идет не о конструировании мира: конструкции – леса, перила, балки, лабиринты – позже, речь, по сути, о рождении того, что называют «парадигмой», или, значительно раньше и вернее, «духом времени» – тем зеркалом (и зазеркальем), в котором под особым углом и светом начинает предстать отныне человек. Ученый как заложник познания меняет не мир, но взгляд на него, тем самым способствуя его изменению.

* Ранее об этом писал В.П. Зинченко, предложив «признать объективность психического, субъективного, выступает ли оно в своей внешней или внутренней форме, наблюдаемо оно или нет» [6]. Комментарии к этому предложению см.: [7].

Субъективность
психологии
объективна

Задержимся еще на этом моменте, ввиду его важности, и зададимся вопросом, как возможен, как совершается этот феномен «объективной субъективности» (или «субъективной объективности»), как временное, преходящее, ограниченное в бытии и совершенстве соединено с вневременным, неограниченным в совершенстве (всесовершенным), является ли эта связь случайной, факультативной или внутренне обязательной, имманентной одновременно человеку и бытию? Вспомним некоторые рассуждения Р. Декарта: конкретный человек – существо, с очевидностью, конечное и несовершенное, однако почему, за счет чего такое существо ощущает, видит свою конечность и несовершенство, почему, далее, оно способно испытывать аффекты, страсти, стремиться к чему-то? Не иначе в духе (по Р. Декарту, «дух» – это субстанция, коей присуще непосредственное мышление) имеется идея некой бесконечной и совершенной вещи, и, руководствуясь этой идеей (эталонном, образом), дух судит о степени совершенства воспринимаемых им конечных вещей. Идея конечного и совершенного вообще не могла быть образована иначе, как из идеи бесконечного и совершеннейшего [8].

Продолжая мысль, скажем, что идея эта обычно является человеку отнюдь не как умственная конструкция, но как внутреннее переживание, например чувство тоски по чему-то, ощущение недостаточности наличного и желание, предощущение несравненно большего. Это большее (по Р. Декарту – бесконечное и совершеннейшее), как правило, не дается во всей полноте и ясности (оставим сейчас в стороне имеющиеся исключения из правила), мы видим его (чувствуем, предчувствуем) чаще лишь как «промельк» (слово, подаренное автору В.А. Петровским), как блик, луч сквозь плотные обстоятельства жизни. И мы можем воспринять этот мелькнувший образ и зов, а можем пройти мимо – заесть, запить, загулять, загнать внутрь. По-видимому, об этом говорил М.К. Мамардашвили, подчеркивая краткость мира, его лад. И далее у М.К. Мамардашвили заключительный пассаж о связи конечного и бесконечного, о необходимости бодрствования человеческого духа для самого существования бытия: «И если мы упустили эту секунду и не расширили работой этот открывшийся интервал, то ничему не быть, ибо, по метафизическому закону, все необратимо и не сделанное нами никогда не будет сделано. То, что ты оказался здесь, это только ты оказался здесь, только ты мог понять в том, что тебе посветило. Ты ни на кого другого не можешь положиться, никто

Конечность
и бесконечность
мира

другой тебе не может помочь, и ты не можешь положиться ни на будущее, ни на вчерашнее, ни на разделение труда, что мы, мол, вместе сплотимся и разберемся. Не разберемся. И лишь упустим часть мира в полное небытие» [9].

Последняя фраза может насторожить – не пережест ли это, не философский ли отлет: оттого, что я (ты) не расширил интервал увиденного, это увиденное и стоящее за ним (но мною (тобою) не расчищенное, не выявленное) уйдет в небытие, в мир теней. Разве то, что мне (тебе) мелькнуло, не живет и спокойно здравствует вне меня (тебя), разве ему, мелькнувшему, не все равно, видели или не видели мои (твои) глаза этот промельк?

Вопрос отнюдь не праздный, ибо от него зависит позиция человека в мире, в том числе позиция «страстного и сочувственного созерцания», то есть теоретическая деятельность. В первой части статьи мы говорили о догоняющей роли психологической науки, о ее вторичности, инструментальности по отношению к жизни. Здесь мы меняем ракурс, расширяем поле обозрения и начинаем говорить о конечных целях этого инструментария. Сейчас они обычно понимаются крайне, усеченно прагматично, техногенно: что-то улучшить, усилить, убыстрить и т.п. Наука приблизилась к полюсу быта и отвратилась от полюса бытия. Ныне в воздух поднимаются вагоны с крыльями и за несколько часов уносят вас за тысячи километров, телефонная трубка отделилась от шнура и лежит в кармане, готовая соединить вас с любой точкой Земли, в Интернете плавают все мысли, слова, тексты, знаки, картинки, сообщения, которые вы или кто-то другой только пожелает туда запустить. Какое отношение это все может иметь к благу, счастью, истинности?

Но – и здесь для нас важнейший пункт – это не значит, что наука, приведшая к этим фокусам, вовсе не имеет отношения к благу жизни, к той, как говорил А.Н. Леонтьев, «подлинной, но не всегда видимой индивидом действительности». Наука как систематическое (при)страстное и сочувственное, сострадательное созерцание в своем предельном устремлении направлена к целостному пониманию бытия, к открытию и утверждению той формы единого и совершенного, которую можно обозначить как Универсум. Наука служит (призвана служить) благу уже хотя бы потому, что отвечает исходной жажде познания, без усилий по утолению которой совершенство человека неполно. Средства науки суть инструменты, сети познания. Снаряжая

Развитие науки
от бытия к быту

Наука призвана
служить благу

сети, мы говорим об их надежности, крепости, соответствии задаче улова (вспомним критерии валидности).

Но само по себе выловленное – при всей его важности – не единственная и не последняя цель, ибо через него как фрагмент, частичку бытия дается возможность (шанс) увидеть целое и замысел (хотя бы как промельк). Тогда выявленное (уловленное) раскрывает (способно раскрывать) связь человека и мира. Связь, всегда столь же трудно и мучительно искомую, сколь и легко теряемую, ускользающую. Улов, продукт исследовательских сетей, становится тогда не мертвым фактом, не очередным фокусом науки и техники, но – ни больше ни меньше – недостающим до сих пор, а теперь (на сей час) наконец-то добытым звеном нашего соединения со смыслом и замыслом.

По сути, мы переходим здесь к метафизике познания, в том числе психологического. Мир не просто открывается (приоткрывается) или догоняется нашей работой, но – вне ее он не рождается на свет (в свет), остается во мраке. В этом плане мир не открыт раз и навсегда, но открываем, рожаем (со всеми трудностями и опасностями родов) постоянно. Он становится, поддерживается изнутри и потому, если мы упустили и не расширили работой открывшееся нам мгновение, лишь для данного конкретного (самого по себе мгновенного, временного) сознания, но останется как возможность в культуре, социуме, коллективном сознании, его продуктах, текстах, которые могут быть еще кем-то раскрыты, расшифрованы, выведены в свет. Но в том-то «консервы былых вдохновений» имеют весьма ограниченный срок годности. Суть не в словах и текстах, а в том, что за ними и что рождается внутри человека познающего. «Это касается, – справедливо замечает А.А. Пузырей, – и того, что человек получает извне, например – знания. Как педагог я знаю, что одна из главных проблем в работе со студентами в освоении ими психологии состоит именно в этом – в том, чтобы то, что составляет действительно золотой запас психологии, психологического знания, то, с чем они встречаются, читая классические психологические тексты... чтобы они могли взять это не внешне, не как нечто готовое, не как «золото, полученное в чужих тиглях», а получили бы его заново, как свое» [10].

Но далее всех в уничтожении дуализма бытия мира и знания прошел, наверное, Н.А. Бердяев: «Знание само есть бытие, живая функция бытия. <...> Знание не есть отражение бытия и не есть конструирование бытия, а есть самораскрытие бытия... В акте познания

Раскрывая связь человека и мира

Мир не открыт, а открывается

Знание – живая функция бытия

с самым бытием, с самой реальной действительностью происходит нечто такое, в силу чего бытие творчески совершенствуется, развивается, осуществляет ценность... Знание есть путь от хаоса к космосу, от тьмы к свету. И не потому, что познающий субъект своим трансцендентным сознанием оформливает бытие и распространяет на него рациональный свет, а потому, что само бытие просветляется и оформляется в акте самопознания» [11].

Эти вдохновляющие положения позволяют по-иному посмотреть на вышеприведенные различия действительности и психологической реальности. Последняя должна не просто постоянно «догонять» жизнь, пояснять ее, быть площадкой ее обзора, обслуживания, корригирования. Последняя есть, вернее, должна быть (страшно сказать) неотъемлемым условием существования первой как осмысленного человеческого бытия. Здесь необходимое до того различие снимается, чтобы уступить место внутреннему взаимоопределяемому, взаимотворящему, синергетическому единству.

Ясно, что это снятие возможно только в том случае, когда знание, о котором идет речь, становится продуктом собственной работы (по М.К. Мамардашвили), производством золота в собственном тигле (по А.А. Пузырею). Очевидно, что процесс добывания такого знания требует всего человека, сливается с ним, его жизненным движением, становится его поступком. Недаром М.М. Бахтин говорил о поступке почти теми же оборотами, что, спустя годы, М.К. Мамардашвили скажет о внутренней работе: «То, что мною может быть совершенно, никем и никогда совершенно быть не может». И далее: «Единственность наличного бытия – нудительно обязательна. Этот факт моего не-алиби в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного должествования поступка» [12]. Здесь не всегда видимая грань – переход к тому, что можно назвать поступающим познанием, или познанием как поступком. И тогда познающий – участник, более того – сотворец, сорботник бытия, не имеющий, однако, в нем страховки, заранее выторгованных договоров и щадящих ограничений – всего того, что как раз составляет обязательные условия нормального научного познания, выстраивающего и обустройствающего условные площадки (островки безопасности) над пропастями бытия. Принципиальная возможность разных конструкций этих площадок – объективная причина методологического либерализма. Иное в поступающем познании – здесь за выбором стоит действительный, а не застрахованный риск и шаг в пропасть означает пропасть.

Поступок
познающего
и поступающее
познание

«Совершенное подразумевает совершеннейшее»

Но – беру на себя смелость вновь утверждать – поступающее познание отнюдь не полностью чуждо и разведено с научным, круги их принципиально пересекаются. Более того – даже беглый взгляд на историю показывает, что наука движется подобного рода рисками, выбор которых кроме как бытийным назвать трудно. Дж. Бруно, Г. Галилей, Н.И. Вавилов лишь первые очевидные ассоциации на эту тему. Выборы, риски, порывы такого рода и уровня обращены к поиску истинности и Универсума, направлены на поиск и притягаемы им. Это очевидно, даже если подумать об энергетике, внутренней мотивации: признание относительности всего и вся, методологический либерализм, постмодернизм и пр. – слишком слабая основа для такого рода личностных выборов и подвигов познания, их усталая, разъедаемая (съедаемая) иронией энергия пригодна лишь для игры в науку и производства более или менее искусных подделок под знание. Между тем – вспомним Р. Декарта – совершенное подразумевает совершеннейшее. И чтобы добиться (на всей грани, пределе своих возможностей) первого, надо стремиться ко второму, что подразумевает решимость и веру для этого стремления.

Время свободы остается за человеком

Опять же – вера и выбор человека невыводимы строго логически, и время свободы, последнего «да» и «нет» остается за самим человеком. Даже если, как В. Джеймс, рассматривать метафизику позитивистски (не веруя, а рассуждая), и то – после связанной логической цепи умозаключений жизнь все же ставит перед необходимостью прыжка, дилеммы, обращенной к личному сознанию и выбору. «Мы можем, – рассуждал У. Джеймс, – поступать так, как будто Бог существует; жить так, как будто мы свободны; строить планы, как будто мы бессмертны; в конце концов мы обнаружим, что в нашей жизни эти слова приобретут совершенно иное значение» [13]. Но ведь и напротив: выбрав другой полюс, мы можем жить так, как будто Бога не существует, как будто мы лишь конечны и смертны и потому планы наши должны быть всегда короткими, сиюминутными. И тогда мы тоже обнаружим, что эти слова постепенно начнут приобретать иное, особое значение, что, живя так, с этим сознанием, мы будем находить подтверждения и все более укореняться в правоте принятых нами понятий.

Скажу сверх того – в первом случае (ставка на высший смысл и свободу) доказательств и подтверждений будет куда меньше. Скорость изменения себя и мира куда медленнее, чем во втором (ставка на бессмысленность, конечность и несвободу). Но – заметим – в обоих

Сфера субъективного – условие объективного познания мира

случаях субъективное вплетено в объективное, порождая и подтверждая его. Та или иная форма объективности тем самым зиждется не на одной фактологии, статистике явлений и т.п. В основе объективности ее обнаружения – не одни фигуры логики и фиксация явлений, но выбор, порыв, вера каждого отдельного человека. Потому каждый из объективных миров жив и продолжает себя в веках, покуда жив хотя бы один конкретный человек, сделавший личный выбор этого мира, отстаивающий его своим сознанием, верой, бытием. Реальность и объективность тем самым возникает под влиянием субъективных усилий и удерживается ими как основным условием своего осуществления. «Постижение, – замечает М. Полани, – не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно – ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле *объективно*, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей» (цит. по: [14]). Так сфера личностного – субъективного становится условием объективного познания, раскрытия мира.

Между догмой
и плюрализмом

Если вернуться к вопросу, поставленному в начале статьи: чем должны быть психологические изыскания – окном в действительность или ширмой, стеной, от нее отделяющей, то теперь ответ на него вряд ли может быть категорически альтернативным. В доме должны быть и глухие стены, и открывающиеся окна, психология уже вполне развитая, многоликая (многоголовая, многорукая) наука, в которой есть условия, уровни, запросы для осуществления и того и другого исхода. Надо просто помнить, что дом этот не есть мир, он существует в мире и в конечном счете испытывается, взвешивается на его видимых и невидимых весах. И всякое новое понимание психологии и психолога в мире начинается с вызова – образно говоря – с пролома в стене прежней системы. Любая система (включая обобщающую метасистему) стремится к своей устойчивости, стабильности и тем самым к своей законности, неопоротливости, будущему обветшанию, слепоте, гибели, ибо, будучи построенной (начатой строиться) на ответе конкретному времени и бытию, она перестает (перестанет неизбежно) соответствовать изменившемуся миру. Пролом поначалу кажется досадной случайностью, его можно заклеить картинкой, в том числе и картинкой окна с нарисованным видом, перспективой жизни (подделкой под жизнь), и по-

стройка, отгороженная от мира комнатка, может еще известное время существовать и здравствовать в собственных изолированных координатах, пока несоответствия с изменившимся миром не станут очевидными, а попытки жить в своем отгороженном пространстве все более искусственными. И тогда бывает достаточно щелчка, чтобы сооружение, казавшееся до того столь неуязвимым, начало рассыпаться (не так ли, возвращаясь опять к истории, в начале XX века распалась великая Российская империя, а в конце его – не менее великая Советская империя?). Вот тогда неизбежна гамма реакций – от поисков новых принципов понимания до разных форм ухода от этих поисков (включая методологический плюрализм).

Развалилась ли сейчас от щелчка жизни прежняя система, прежние основы понимания психологии? Нет, конечно. Но в проломе – та новая, невиданная доселе жизнь, где воюют с детьми и от которой не отгородишься, ибо мы теперь ее часть. Не «над», не «под», не «вне», а в ней. Если познание есть «живая функция бытия», «путь от хаоса к космосу», то психология может выбрать сознательное и активное движение именно в этом направлении и быть не просто игрой ума, собранием особых методов и приемов, но одним из существенных условий осмысленности и полноты человеческого мира как его объективной возможности, в противовес обесмысливанию мира, в борьбе с фанатизмом и вседозволенностью, как тоже вполне объективной возможностью, составляющей ныне реальную угрозу человеку и человечеству.

Психология должна стать условием осмысленности и полноты человеческого бытия

1. *Мариак Ф.* Предисловие к повести Э. Визеля «Ночь» // Благая весть. СПб., 2000.

2. *Франкл В.* Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М., 2004.

3. *Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.

4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. 1977.

5. *Краткий психологический словарь.* М., 1985.

6. *Зинченко В.П.* Проблема внешнего и внутреннего становления образа себя и мира // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Рига; М., 1999. С. 22–36.

7. *Братусь Б.С.* Идеальное как порождение идеального (заметки к докладу В.П. Зинченко) // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Рига; М., 1999. С. 37–45.

8. *Майданский А.Д.* Декарт и Спиноза о природе души // Психология и философия: возвращение души. М., 2003. С. 76–91.

9. *Мамардашвили М.К.* Интервью // Вопросы философии. 1984. № 2. С.98–102.

10. *Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича // Роман-газета. М., 1963.

11. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М., 2004.

12. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Человек в мире слов. М., 1995. С. 22–67.

13. *As William James said a treasury of his work.* N.Y., 1942.

14. *Пузырей А.А.* В тигле души: к событийному пониманию человека // Психология и философия: возвращение души. М., 2003. С. 109–118.

